

DOI: [10.14515/monitoring.2022.5.2199](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2199)

Д. А. Давыдов

ДИНАМИКА МАССОВЫХ ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОБЫТИЙНЫЙ АНАЛИЗ

Правильная ссылка на статью:

Давыдов Д. А. Динамика массовых протестных акций в современной России: событийный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 72—93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2199>.

For citation:

Davydov D. A. (2022) Dynamics of Mass Protest Actions in Modern Russia: An Event Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 72–93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2199>. (In Russ.)

Получено: 16.02.2022. Принято к публикации: 05.09.2022.

ДИНАМИКА МАССОВЫХ ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОБЫТИЙНЫЙ АНАЛИЗ

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

Аннотация. Статья представляет результаты исследования динамики массовых протестных акций в современной России на основе метода событийного анализа. Географическая выборка исследования включает Санкт-Петербург и Ленинградскую область, а также Новосибирск и Сибирский федеральный округ. Изучено 1783 события за период с 2000 по 2021 г. Прослежена динамика протестных акций с учетом их тематической направленности и количества участников. В результате выявлено, что проблемно-тематический спектр массовых протестных акций постепенно меняется. С течением времени начинают преобладать политические, а также экологические и градозащитные протесты, а трудовые протесты становятся редкими и в основном малочисленными. Универсальным оказался сценарий постепенного роста протестной активности националистов (в Санкт-Петербурге также антинационалистов) с последующим резким исчезновением данной активности после 2014 г. Социальные протесты теряют позиции в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, но сохраняют свою актуальность в Новосибирске и Сибирском федеральном округе. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области после 2010 г.

DYNAMICS OF MASS PROTEST ACTIONS IN MODERN RUSSIA: AN EVENT STUDY

Dmitriy A. DAVYDOV¹ — Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Research Fellow
E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The article studies of the dynamics of mass protests in modern Russia using the method of event analysis. Geographically, the sample includes St. Petersburg and the Leningrad Region, as well as Novosibirsk and the Siberian Federal District. 1783 protest events were studied for the period from 2000 to 2021. The author demonstrates that the problem-thematic spectrum of mass protest actions is gradually changing. As time goes on, political as well as environmental and urban protests begin to dominate, while labor protests become rare and mostly small. One of the universally revealed trends is a gradual increase in the protest activity of nationalists (in St. Petersburg, also anti-nationalists), followed by a sharp disappearance of this activity after 2014. Social protests have contradictory dynamics: they are losing ground in St. Petersburg and the Leningrad Region but remain relevant in Novosibirsk and the Siberian Federal District. Also, after 2010, in St. Petersburg and the Leningrad Region, representatives of the LGBT community, women's movements, human rights organizations, and animal rights activists became more active, which was not the case in Novosibirsk and the Siberian Federal District. It is concluded that the dynamics of mass

наблюдалась активизация представителей ЛГБТ-сообщества, женских движений, правозащитников и зоозащитников, чего не было в Новосибирске и Сибирском федеральном округе. Сделан вывод, что динамику массовых протестных акций в изучаемый период времени можно объяснить постепенным вытеснением «материалистических» ценностей постматериалистическими.

Ключевые слова: протест, протестные акции, митинги, гражданское общество, гражданский активизм, демократия, постматериалистические ценности

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32176 «Динамика протестной активности в современной России (2000—2020 гг.): исследование методом ивент-анализа».

Постановка проблемы

Массовые протестные акции — не лучший способ политического волеизъявления. Это всегда голос меньшинства, стремящегося представлять себя большинством. Более того, массовые протесты часто приводят к драматичным и неоднозначным последствиям для общества (как это было, скажем, в Ливии или Сирии в результате «арабской весны»). Однако вряд ли массовому протесту будет когда-либо найдена альтернатива. Люди выходят из дома с теми или иными требованиями тогда, когда перестают доверять официальным институтам (и соответствующим способам разрешения конфликтов) или оказываются в безвыходном положении. Ни один политический механизм не будет настолько совершенным, чтобы исключить все системные уязвимости, дающие преимущества одним и ущемляющие права и интересы других. В то же время люди все чаще предпочитают самостоятельно определять свою судьбу и активно участвовать в решении общественно значимых проблем. Развитие социальных сетей и медиа способствует ускорению коммуникации и, стало быть, облегчает протестную мобилизацию (см., например, [Иванов, 2013; Климова, Куликов, Чмель, 2021]). Поэтому неудивительно, что в последние 10—20 лет массовые протестные акции стали серьезной силой — от сокрушительных событий «арабской весны» до беспрецедентной по своим масштабам (для США) волны протестов, вызванной движением Black Lives Matter в 2020 г. (причем в условиях пандемии COVID-19). Эта «серьезность»

protests in the studied period can be explained by the gradual displacement of materialistic values by post-materialistic ones.

Keywords: protest, protest actions, rallies, civil society, civil activism, democracy, post-materialist values

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and EISR within the Project No. 21-011-32176 «The Dynamics of Protest Activity in Modern Russia (2000—2020): A Protest Event Analysis».

обусловлена сочетанием множества факторов: частота подобных событий, их массовость, способность к социальному заражению и распространению, их непосредственное влияние на повестку дня. Это актуально и для России, буквально окруженной странами, которые за последние десять лет пережили масштабные протесты, а то и «революции» — Украина в 2014 г., Армения в 2018 г., Беларусь в 2020 г., Казахстан в 2022 г. Резонансные политические протесты перестали быть редкостью в нашей стране. В последние годы наблюдались локальные по тематике, но не по масштабу, медийности и соответствующему политическому резонансу «суперпротесты». В России, к примеру, это были такие кейсы, как протесты против передачи Исаакиевского собора Русской православной церкви (январь — февраль 2017 г.), протесты на станции Шиес против строительства мусорного полигона (июль 2018 г. — июнь 2020 г.), массовые акции протеста в сквере на Октябрьской площади в Екатеринбурге против строительства православного храма (март — июнь 2019 г.), протесты из-за планов разработки шихана Куштау (август 2020 г.), протесты в Хабаровском крае (июль 2020 г. — сентябрь 2021 г.)¹ против уголовного дела, возбужденного в отношении бывшего губернатора края Сергея Фургала.

Тем не менее, несмотря на масштаб и значимость явления, мы все еще недостаточно хорошо представляем, как устроен современный протест — какие причины его вызывают, почему в одних случаях некоторые факторы оказываются значимыми, а в других нет. В исследовании природы и динамики массовых протестов можно идти разными путями. Например, с помощью опросов населения изучать «протестные настроения», интересуясь у респондентов, есть ли у них желание и готовность участвовать в протестных акциях и по какой причине. Как свидетельствует опыт, это не самый лучший способ объяснения или предсказания реальных протестов. Так, по данным исследования «Левада-Центра»² [Козырев, 2017: 76], в России процент людей, считающих, что в их городе / сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями возможны, с 2000 по 2016 гг. колеблется между 10 % и 35 %, однако этот показатель не всегда коррелирует с конкретными волнами протеста. К примеру, в 2007 г. и 2011—2012 гг. данный показатель находился примерно на одном и том же уровне (около 30 %), но очевидно, что протестные акции 2007 г. (так называемые «марши несогласных») были гораздо скромнее, чем то, что наблюдалось в 2011 и 2012 гг. («болотная революция»). Более того, в 1997—1999 гг. показатель политического «протестного потенциала» достигал отметки в 50 %, но каких-то знаковых протестных событий, которые были бы сопоставимы по своим масштабам с кейсами 2011—2012 гг., тогда не происходило. Количественная методология, оценивающая потенциал протестной активности на общероссийском уровне, также была малопригодна в предсказании и объяснении протестов 2011—2013 гг., так как поквартальное измерение уровня готовности людей участвовать в протестах не показало значительных изменений [Солодников, 2015; Мамонов, 2012]. Как резюмирует В. В. Солодников: «Этот факт можно рассматривать как противоречащий фактическим данным о частоте московских протестных акций (данные

¹ Эти протесты тоже стоит отнести к категории «локальных», связанных с борьбой за «право на город» [Демьяненко, Клиценко, 2022].

² Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранного агента».

контент-анализа материалов СМК)» [Солодников, 2015: 65]. В целом доля людей в общей численности населения, выражающих желание участвовать в протестных акциях, и доля тех, кто действительно участвует в таковых, сильно отличаются друг от друга. Как показал еще в 1997 г. Ю. Левада, процент людей, реально участвующих в протестных акциях (за 12 мес.) невелик (примерно 7%), причем, если говорить о массовых акциях (митинги, шествия и т. п.), этот процент еще ниже (4%—5%) [Левада, 1997].

Другая проблема данного подхода — в частом обобщении протестов, имеющих фактически разные причины, что ведет к неубедительным объяснениям. К примеру, некоторые исследователи склонны преувеличивать экономический фактор, говоря о таких вещах, как бедность, последствия кризиса, неравенство там, где они малозначимы. Так, основную причину протестов 2011—2012 гг. «за честные выборы» многие комментаторы видели в неравенстве или экономической стагнации. В. К. Левашов в 2012 г. писал, что «большая часть россиян и после выборов продолжает не доверять государству, его политическим институтам и политике, которая приводит к стесненному, бедственному положению граждан. Назрела острая необходимость декриминализации сферы общественных отношений, оздоровления механизмов мотивации труда, ликвидации разрывов в размерах заработной платы, создания новых рабочих мест. Необходимо остановить дегенеративные процессы в обществе, в первую очередь в сфере трудовых отношений. Доступные для каждого гражданина работа, зарплата, жилье, семья — императивные социально-политические факторы устойчивого развития страны» [Левашов, 2012: 76]. Однако полевые исследования показали, что в 2011—2012 гг. в протестах «за честные выборы» участвовали не столько бедные жители провинции или представители рабочего класса, сколько хорошо образованные и материально обеспеченные жители больших городов [Семирханова, Соколова, Головина, 2014; Бараш, 2012].

По всей видимости, имеет место перешедшая из 1990-х годов (возможно, унаследованная от советской культуры) привычка ассоциировать массовые акции протеста с социальными проблемами (причина может быть в когнитивных искажениях вроде эвристики доступности [Пинкер, 2021]). В статье 1995 г. М. М. Назаров резюмирует данные социологических исследований (Центра социологии международных отношений ИСПИ РАН июня — июля 1993 г. и июня 1994 г.) следующим образом: «Наименьший уровень участия демонстрируют представители наиболее высокодоходных групп. Таких, по данным исследования, на период июня 1993 г. было около 10% населения. Средний уровень протестной активности присущ лицам со средними (или относительно средними) доходами, их оказалось подавляющее большинство — 80%. Остальные 10% относились к группе с наиболее низкими доходами и демонстрировали, соответственно, наивысшую готовность к участию в протесте» [Назаров, 1995: 51—53]. Это плохо характеризует сегодняшнюю картину. А. С. Архипова**, А. В. Захаров, И. В. Козлова [Архипова**, Захаров, Козлова, 2021] обобщают результаты полевых опросов на митингах в поддержку А. Навального*³ (январь, февраль, апрель 2021 г.) и отмечают среди их участ-

³ Здесь и далее * означает лицо, внесенное Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

Здесь и далее: ** 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

ников большое количество образованных людей. По мнению исследователей, данный факт «противоречит как популярному мифу о том, что на митинги ходят „одни спившиеся бомжи“, так и представлению, что это совершенно нормально, поскольку у нас практически все имеют высшее образование. Согласно данным переписи 2010 г., полное высшее образование имеют 23% россиян, в Москве их доля существенно выше — 42%. На митинге 31 января в Москве 71% опрошенных имели полное высшее образование, в Санкт-Петербурге — 59%» [там же: 310]. Кроме того, тематическую направленность самых массовых протестов за пандемийный 2021 г. вряд ли можно назвать социальной или затрагивающей напрямую экономические интересы рядовых граждан (отравление А. Навального*, его расследование «Дворец для Путина. История самой большой взятки»).

Очевидно, что массовые протесты не едины по своей природе и сущности. Более того, они меняются вслед за изменением общества. Россия — яркий пример общества, пережившего за последние десятилетия череду бурных социальных потрясений и трансформаций. Именно взаимосвязь между меняющимся протестом и социальными, экономическими, культурными и прочими изменениями российского общества сегодня неясна, а исследований, посвященных данной проблематике, крайне мало. Иными словами, мы имеем недостаточно четкие представления о динамике протеста. И здесь круг возможных методов исследования сильно сужается. Полевые исследования были бы идеальным вариантом, но охватить большую часть протестов на протяжении существенного периода времени, сохраняя методологическое единство, нереально. Поэтому единственный доступный вариант — событийный анализ (ивент-анализ) как разновидность или аналог контент-анализа, где в качестве единицы анализа выступает событие.

Данный метод, зародившийся в политической науке в 1960е годы, изначально заключался в формализованном анализе взаимодействий между политическими агентами [McClelland, 1967]. Впоследствии его заимствовали исследователи гражданской мобилизации и протестных событий (например, Ч. Тилли и др. [Tilly, 2002]), стремившиеся оценить их динамику (частоту и уровень интенсивности) в зависимости от тех или иных факторов [McAdam et al., 2005; Семенов, 2018].

Исследований массовых протестов в России с помощью метода событийного анализа было проведено недостаточно, чтобы иметь полную картину соответствующих изменений. Тем не менее отметим исследование Г. Робертсона [Robertson, 2013], осуществленное на основе полицейских сводок МВД и отчетов о протестах, собранных Институтом «Коллективное действие». Исследователь сравнил два периода времени: 1997—2000 гг. (до начала «путинской эры», проанализировано 5 882 события) и 2007—2011 гг. (5 726 событий). Было показано, что репертуар протеста — виды действий, к которым обычно прибегают люди, чтобы выразить несогласие, — резко изменился за десятилетие, отделяющее два набора данных. Если ранее протест в России содержал существенную составляющую прямых действий (голодовки, перекрытия железных дорог и т. п.), то к концу 2000-х годов в репертуаре протестов преобладали символические формы публичного выражения (марши, демонстрации и т. п.). Во-вторых, было обнаружено, что протест перемещается в пространстве — от провинции к столичным городам. Москва и Санкт-Петербург стали основным местом организации протестных акций. Также

было продемонстрировано, что за изученное десятилетие природа протестных требований сильно изменилась. В 1990-х годах затяжной экономической кризис означал, что требования протестующих касались в первую очередь экономических вопросов (задержки выплаты заработной платы и т. п.). Однако ко второй половине 2000-х годов гораздо большую роль в протестах стали играть требования к системе правосудия, борьба с коррупцией и другие более абстрактные дискуссии о гражданских и трудовых правах [Robertson, 2013].

Также событийным анализом занимается Центр социально-трудовых прав, делая акцент на динамике трудовых протестов⁴ (после 2018 г. — «Мониторинг трудовых протестов» независимый проект⁵). Однако, несмотря на обилие данных, которые публикуются в рамках данного проекта, в них трудно уловить какие-либо тенденции. С 2008 г. показатель количества фиксируемых трудовых протестов не продемонстрировал явной динамики в сторону увеличения или уменьшения. Можно отметить лишь небольшой рост количества стоп-акций в сложный 2020 г.⁶ с их последующим снижением в 2021 г.⁷

В целом других масштабных проектов, где использовался бы событийного анализа протестов мы не нашли. Обзор А. Семенова показал, что имеющиеся исследования или берут слишком малый промежуток времени (как правило, несколько лет), чтобы можно было уловить большие тренды, либо специализируются на протестах определенной тематики (например, трудовые) [Семенов, 2018]. Еще одна проблема заключается в том, что динамику протеста зачастую анализируют, просто подсчитывая количество соответствующих событий, причем совсем разных — от петиций и одиночных пикетов до забастовок и массовых митингов. Сведение очень разных феноменов к одной категории чревато искажением реальных тенденций. В таком случае «малозначительные» (вроде петиций и одиночных пикетов) кейсы приравниваются к масштабным и резонансным уличным протестам, что достаточно странно, учитывая их несопоставимый «вес». Нижеследующее исследование призвано восполнить этот и многие другие обозначенные выше пробелы.

Метод

Настоящее исследование — попытка проследить динамику массовых протестных акций в современной России (за 2000—2021 гг.), поэтому было решено сделать акцент именно на «уличной» политике (массовые пикеты, митинги, шествия и т. п.). Именно массовые протесты оказываются наиболее «рискованными» с точки зрения устойчивости общественного согласия, а также наиболее значимыми, влиятельными и резонансными, демонстрирующими масштабы общественного недовольства в зависимости от количества участников, их конкретных действий и эмоций (от мирных собраний до столкновений с сотрудниками правоохранитель-

⁴ См. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics> (дата обращения: 31.10.2022).

⁵ См. URL: <http://www.trudprotest.org> (дата обращения: 31.10.2022).

⁶ Трудовые протесты в 2020 г. Часть 1 // Мониторинг трудовых протестов. 2021. 19 января. URL: <http://www.trudprotest.org/2021/01/19/трудовые-протесты-в-2020-г-часть-1/> (дата обращения: 28.10.2022).

⁷ Трудовые протесты в России в 2021 г. Введение, Часть 1 // Мониторинг трудовых протестов. 2022. 07 февраля. URL: <http://www.trudprotest.org/2022/02/07/трудовые-протесты-в-россии-в-2021-г-введен/> (дата обращения: 28.10.2022).

ных органов, погромов, драк, государственных переворотов). Поэтому за единицу анализа мы взяли *массовую протестную акцию*, под которой здесь понимается собрание из десяти и более человек, недовольных какой-либо общественной ситуацией и выдвигающих конкретные требования к ответственным лицам. Так как количество участников (а потому величина и размах) массовых протестных акций может сильно варьироваться, за единицу счета решено было взять не событие как таковое, а *количество его участников*.

Географическая выборка исследования включает две территории, рассматриваемые в сравнительной перспективе: 1) Санкт-Петербург и Ленинградская область; 2) Новосибирск и Сибирский федеральный округ. Выбор продиктован необходимостью учесть территории с разным населением, максимально репрезентирующим Россию в целом — от «столичного» Санкт-Петербурга с развитым «человеческим капиталом» и постиндустриальной экономикой до многочисленных промышленных городов и небольших населенных пунктов Сибири. Стоит сразу отметить, что Сибирский федеральный округ (СФО) в целом изучался не так подробно, как Новосибирская область. Изначально планировалось рассматривать именно последнюю, но поскольку в изучаемых материалах постоянно фигурировали кейсы из других регионов СФО (Красноярский край, Томская область и др.), было решено включить в выборку и их.

Исследование охватывает период 2000—2021 гг. для Санкт-Петербурга и Ленинградской области и 2002—2021 гг. для Новосибирска и Сибирского федерального округа. Сужение периода охвата относительно Новосибирска и СФО обусловлено отсутствием данных за период 2000—2001 гг. в архивах выбранных информационных источников.

В качестве источников информации использованы материалы СМИ. Среди недостатков этого подхода можно отметить, во-первых, разную информационную «пропускную способность» СМИ, отмеченную нами на протяжении исследуемого периода: в начале 2000-х, особенно в 2000—2003 гг., протестные акции освещаются недостаточно подробно из-за неразвитости интернета, однако впоследствии информационный поток стабилизируется. Во-вторых, СМИ (включая региональные) освещают не все протестные акции, а наиболее резонансные. Однако для нас это скорее преимущество, чем недостаток, так как мы рассматриваем протестные кейсы, ставшие частью публичного дискурса, а потому оказывающие влияние на процесс установления повестки дня. Для изучения протестных акций Санкт-Петербурга и Ленинградской области были выбраны издания «Фонтанка.ру» и «Коммерсантъ-Daily» (Санкт-Петербург). Новосибирск и Сибирский федеральный округ изучались по материалам NGS.RU («Новосибирский Городской Сайт») и «Коммерсантъ-Daily» (Новосибирск). Выбор СМИ обусловлен надлежащим состоянием архивов и легкими инструментами поиска информации, а также относительно подробным и нейтральным освещением протестных кейсов.

Поиск информации осуществлялся по двум запросам: «митинг» и «акция протеста». Среди найденных материалов отбирались те, что отвечали требованию выборки, а именно упоминали массовые протестные акции с количеством участников более десяти человек. В выборочный массив были включены тексты не только об уличных протестах, но и забастовках рабочих, а также массовых

голодовках. Отобранные материалы прочитывались, и в соответствующую базу данных в хронологическом порядке заносились краткие сведения о протестных кейсах: причинах, требованиях, лозунгах и количестве участников. Сами протестные события классифицировались в зависимости от тематики и требований протеста. Такая классификация необходима для того, чтобы проследить, как менялся тематический спектр протестов. Учитывая найденные Г. Робертсоном тенденции, мы можем предположить, что с течением времени одни протестные тематики могут становится актуальнее, а другие — терять свое значение, и это может свидетельствовать об изменении как социального состава участников, так и их интересов. В результате мы выделили следующие категории протестов:

- трудовые протесты (с участием представителей трудовых коллективов и малого бизнеса, отстаивающих свои экономические интересы);
- социальные протесты (с соответствующей тематикой: льготы, пенсии, пособия, бедность, проблемы в сфере ЖКХ, расселение из ветхого и аварийного жилья и т. д.);
- политические протесты (борьба за честные выборы, за политические права и свободы, неприятие монополии на власть, недоверие к тем или иным политическим деятелям, коррупция в высших эшелонах власти);
- экологические и градозащитные (защита парков, скверов, зеленых насаждений от застройки, борьба за сохранение памятников архитектуры и прочих городских пространств, стремление к комфортной городской среде, противодействие появлению на тех или иных территориях грязных производств, реакция на все разновидности экологических проблем, затрагивающих территории, на которых проживают протестующие);
- протесты, связанные с пересечением частных и публичных интересов в городском планировании (строительство во дворах жилых домов; ликвидация садовых товариществ; дорожное строительство, сильно ухудшающее качество жизни; снос гаражей; выкуп и снос частных домов с целью дальнейшей застройки территории и т. п.);
- протесты националистов;
- антинационалистические;
- консервативные (отстаивание традиционных ценностей);
- протесты представителей ЛГБТ-сообщества;
- феминистские;
- зоозащитные;
- правозащитные (массовая поддержка незаконно осужденных и прочие подобные конфликты);
- протесты обманутых дольщиков и вкладчиков;
- прочие (сюда были включены все те протестные акции, которые невозможно отнести к указанным выше, а также те, что посвящены общим вопросам, выходящим за пределы непосредственных экономических интересов участников (например, протесты против призыва на военную службу, против ЕГЭ, против злоупотребления автомобилями с мигалками).

Довольно часто анализируемые протестные события затрагивали сразу несколько тем. Тогда выбор категории основывался на тематической доминанте:

основных лозунгах или первых пунктах в повестке. Так как речь идет о количественном исследовании с достаточно большой выборкой, такие «упрощения» вряд ли могут сильно повлиять на итоговые результаты. Если информация о количестве участников отсутствовала, но по визуальным материалам было ясно, что их больше десяти, то в графу «количество участников» вносилось минимальное значение — десять. Если информация о количестве участников поступала из нескольких источников (данные МВД, отчеты организаторов протестных акций, оценки журналистов), то определялось среднее значение, исходя из того, что официальные источники склонны занижать количество участников, а протестующие — завышать. Из выборки были исключены массовые акции, проводимые 1 мая (День труда) и 7 ноября (День Великой Октябрьской социалистической революции). Эти акции считаются скорее «праздничными», нежели по-настоящему протестными. Как показала В. Н. Ефремова, еще в 1990-е годы Первомайские демонстрации могли быть действенным инструментом влияния на власть, но в 2000-е годы праздник стал напоминать политический спектакль [Ефремова, 2017]. То же самое можно сказать и про праздник 7 ноября, который фактически стал ежегодным обрядом для представителей коммунистических движений.

Полученные данные заносились в таблицы и подвергались статистической обработке в Microsoft Excel.

Результаты

В ходе исследования выявлено и проанализировано 1 783 протестных события, из которых 996 пришлось на Санкт-Петербург и Ленинградскую область, а 787 — на Новосибирск и СФО.

Санкт-Петербург и Ленинградская область

Динамика массовых протестных акций в целом (без учета тематики) в городе на Неве и Ленинградской области волнообразна (см. рис. 1). Как мы убедимся далее, это актуально и для Новосибирска и СФО (а потому, вероятно, и для России в целом). Мы видим три большие волны или «горы»: 1) 2004—2006 гг., 2) 2010—2013 гг., 3) 2016—2018 гг. При этом каждая новая «гора» оказывается немного выше предыдущей, но этого недостаточно, чтобы сделать вывод о тенденции к уверенному росту общей протестной активности. Тем не менее стоит учитывать, что изучаемые процессы происходили на фоне постоянного (с 2004 г.) ужесточения законодательства о проведении массовых акций. Новости об отказе местных властей согласовывать те или иные акции по мере продвижения к сегодняшнему дню встречаются все чаще и чаще, а потому мы нередко наблюдаем массовые несогласованные акции (заметный подъем графика в 2021 г. был вызван практически полностью несогласованными акциями). Также стоит отметить «стрессовые» факторы, которые временами глушили протест во второй половине наблюдаемого временного отрезка (шок от последствий Евромайдана на Украине, пандемия COVID-19).

Более явные изменения произошли с тематическим спектром протестов. И здесь история массовых протестных акций в затронутый нами период времени отчетливо делится на два приблизительно равных этапа.

Рис. 1. Динамика массовых протестных акций в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

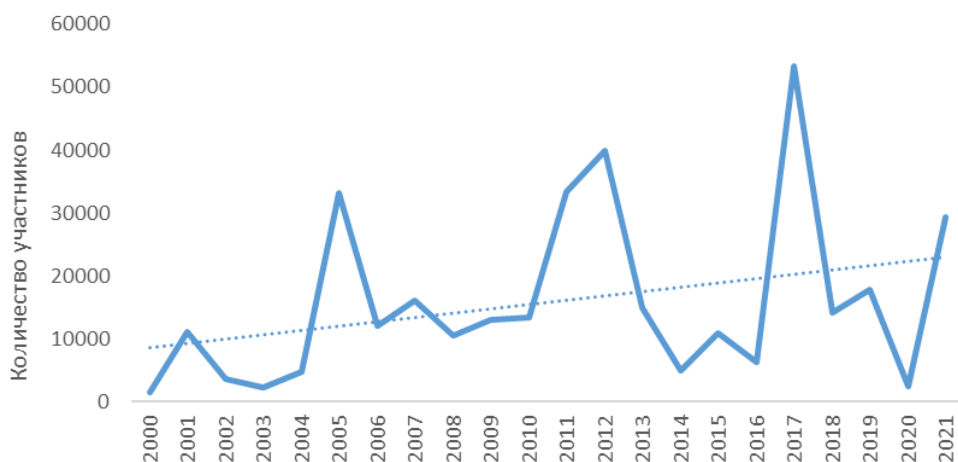
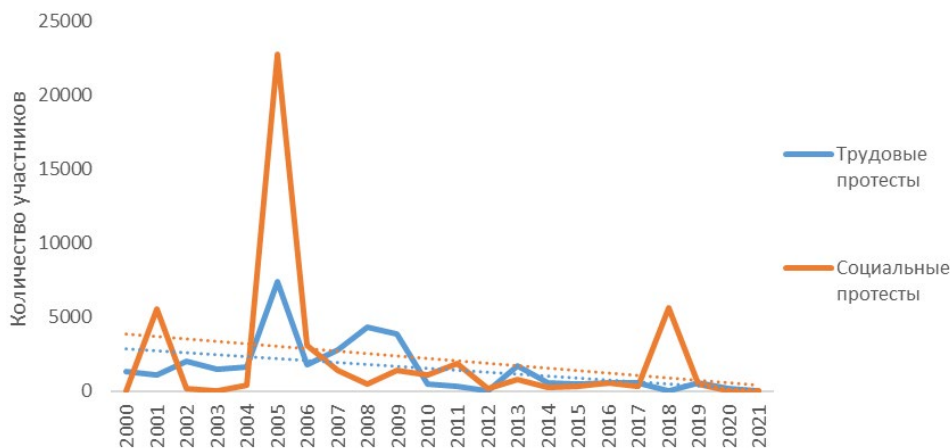

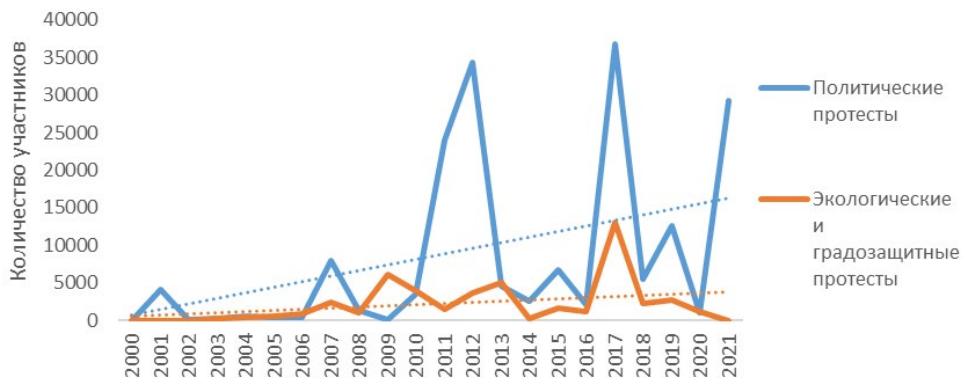
Рис. 2. Трудовые и социальные протесты в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

В период 2000—2009 гг. преобладают (судя по количеству участников) трудовые и социальные протесты. Однако затем они постепенно отходят на второй план. На рисунке 2 видно, как сильно в 2010-е годы снизилась протестная активность представителей трудовых коллективов и малого бизнеса. Здесь нужно учитывать отмеченное выше обстоятельство: в первые наблюдаемые годы СМИ плохо освещали протесты. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем подробнее, благодаря развитию интернета, освещаются события. Иными словами, в реальности снижение было более сильным. Аналогичный расклад мы видим в случае с протестными акциями с социальной тематикой (см. рис. 2).

Прямо противоположные тенденции выявляются, когда мы обращаемся к политическим, а также к экологическим и градозащитным протестам (см. рис. 3).

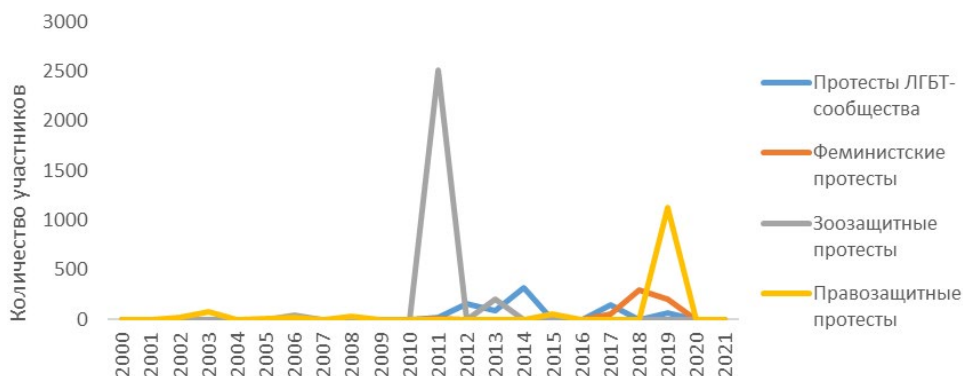
Рис. 3. Политические, экологические и градозащитные протесты в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

Здесь очевидно, что рост протестной активности происходит преимущественно во второй половине изучаемого отрезка времени (политические протесты — особенно после 2010 г., экологические и градозащитные — после 2008 г.).

2010 г. послужил «разделительной линией» и для других разновидностей протестов, связанных с правозащитной деятельностью, с защитой прав и интересов представителей сексуальных меньшинств, с феминистскими и зоозащитными инициативами. Данные протесты отчасти являются свидетельством проникновения в Россию западных ценностей. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области (вернее, только в Санкт-Петербурге) мы вновь замечаем резкое изменение ситуации после 2010 г. (см. рис. 4). Если до 2010 г. практически никакого движения не заметно, то после 2010 г. подобного рода протесты происходят регулярно, хотя и сохраняют маргинальный статус.

Рис. 4. Протесты с участием представителей ЛГБТ-сообщества, с феминистской тематикой, а также правозащитные и зоозащитные в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

Интересна динамика протестов с участием националистов и антинационалистов (см. рис. 5). Можно отметить большие волны антинационалистических акций в 2003—2008 гг. и акций с участием националистов в 2009—2014 гг. Первая волна была вызвана рядом громких убийств иностранных студентов. Затем «хищник и жертва меняются местами», и впоследствии уже националисты бурно реагируют на «этнопреступность». Однако после 2014 г. обе разновидности протестов фактически исчезают. Решающую роль здесь, возможно, сыграли два фактора: возросшая неприязнь к национализму после Евромайдана на Украине, а также ужесточение законодательства о противодействии экстремизму. Также нельзя исключить, что в контексте присоединения Крыма и событий на Донбассе, националистически настроенные граждане чаще участвовали в патриотических (а не протестных) акциях.

Рис. 5. Протесты с участием националистов и антинационалистов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

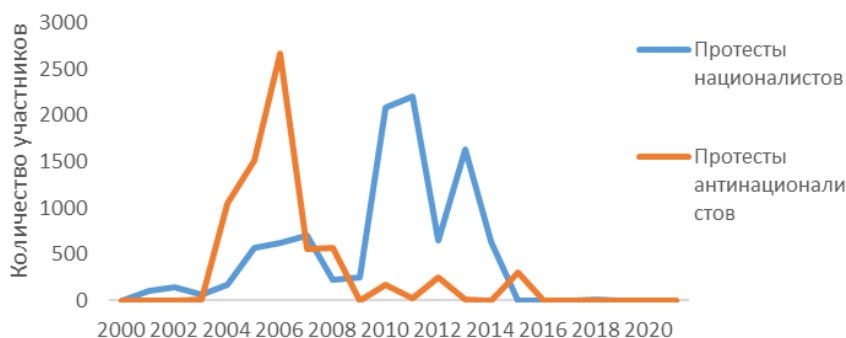
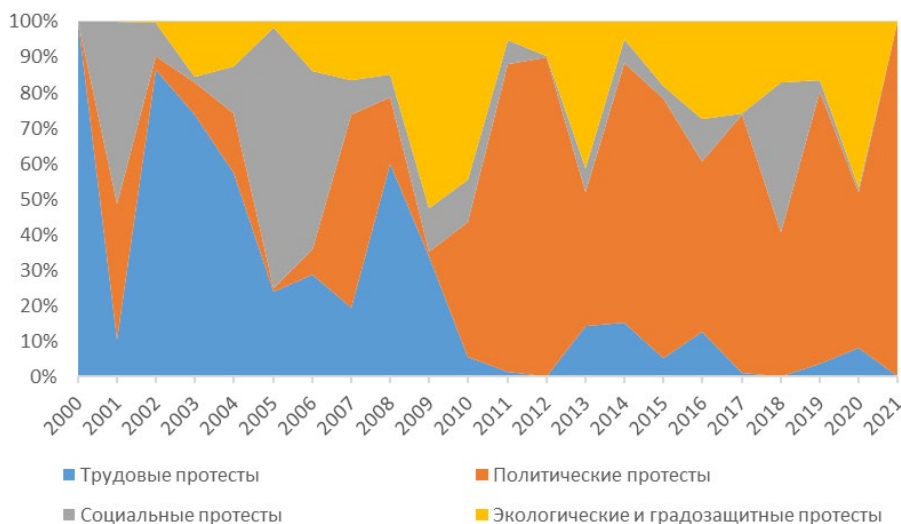

Рис. 6. Изменение процентного соотношения численности участников трудовых, политических, социальных и экологических/градозащитных протестов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

По всем остальным категориям протестных акций каких-то определенных тенденций выявлено не было ввиду их малочисленности.

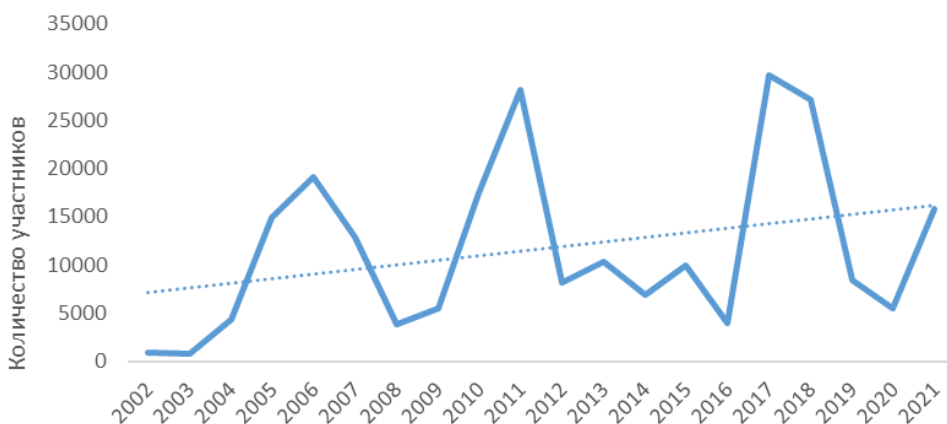
Если мы посмотрим, как менялось процентное соотношение количества участников трудовых, политических, социальных и экологических/градозащитных протестов, то увидим следующую картину (см. рис. 6).

На рисунке 6 видно, что общий расклад существенно трансформируется после 2009—2010 гг. Преобладание социальных и трудовых протестов сменяется доминированием протестов политических и экологических/градозащитных, и такое соотношение сохраняется на протяжении всего остального времени.

Новосибирск и Сибирский федеральный округ⁸

В Сибири общая картина не сильно отличается от Санкт-Петербурга и Ленинградской области: вновь мы видим три подъема, расположенные примерно в тех же временных промежутках (см. рис. 7).

Рис. 7. Динамика массовых протестных акций в Новосибирске и СФО

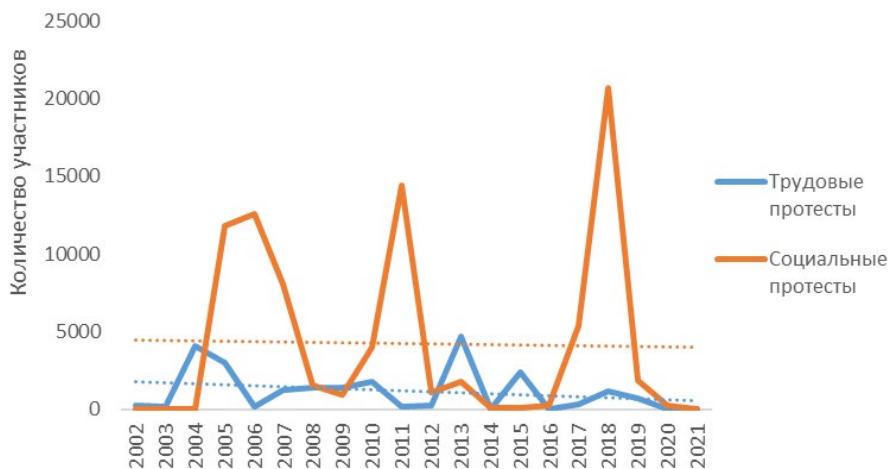
Сокращение числа участников трудовых протестов (см. рис. 8) не так очевидно, как в случае с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. Однако стоит учитывать, что резкие всплески 2013 г. и 2015 г. были обусловлены одним и тем же конфликтным кейсом — закрытием Гусинобродского вещевого рынка в г. Новосибирске. Митинговали в основном индивидуальные предприниматели и продавцы, а конфликт был спровоцирован федеральным законом о запрете уличной торговли. Если вычесть данный кейс, то общая тенденция будет схожей с той, что наблюдалась в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Специфика Новосибирска и СФО проявляется, когда мы обращаемся к социальным протестам (рис. 8). В данном контексте активную гражданскую позицию занимают пенсионеры (например, комитет «Пенсионеры — за достойную жизнь»).

⁸ По материалам NGS.RU («Новосибирский Городской Сайт») и «Коммерсантъ-Daily» (Новосибирск), специализирующихся на освещении новостей Новосибирской области и в меньшей степени затрагивающих события остальной части СФО.

Исследование показало, что в регионе ведется постоянная борьба за льготы. Например, противодействие отмене безлимитного проезда на общественном транспорте по социальной карте для пенсионеров в г. Новосибирске в 2011—2012 гг., а также бурная негативная реакция на пенсионную реформу в 2018 г. во всем СФО.

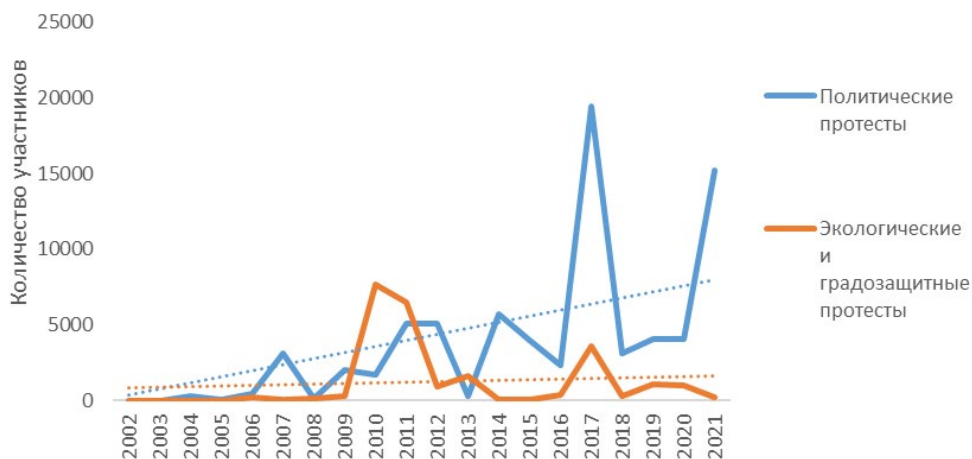
Рис. 8. Трудовые и социальные протесты в Новосибирске и СФО

Политические, экологические и градозащитные протесты в г. Новосибирске и СФО по своей динамике схожи с наблюдаемыми в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (см. рис. 9). В обоих случаях мы видим хоть и не линейный, но постепенный рост протестной активности. Если обратиться непосредственно к кейсам, то заметен резкий переход к общероссийским (федеральным) политическим темам и проблемам после 2011 г. До этого не видно каких-либо масштабных митингов, в рамках которых актуализировались бы «системные» политические вопросы. Небольшой подъем графика в 2007 г. обусловлен единичным кейсом протеста против отмены прямых выборов мэра в г. Камне-на-Оби (примерно 3 000 участников). В 2009 г. самыми массовыми среди рассмотренных нами были два вступления с местной повесткой: митинги (примерно по 1 000 человек) сторонников Александра Деева — главного редактора газеты «Томская неделя» на выборах главы г. Томска. В 2010 г. основным протестным событием стал митинг против превышения должностных полномочий мэром г. Бийска (Алтайский край) Анатолием Мосиевским (около 1 500 человек). В конце 2011 г. политический кругозор протестующих в Сибири резко расширяется, и ключевую роль начинают играть федеральные повестки — протесты после выборов в Государственную Думу 2011 г., движение сторонников А. Навального* и т. п.

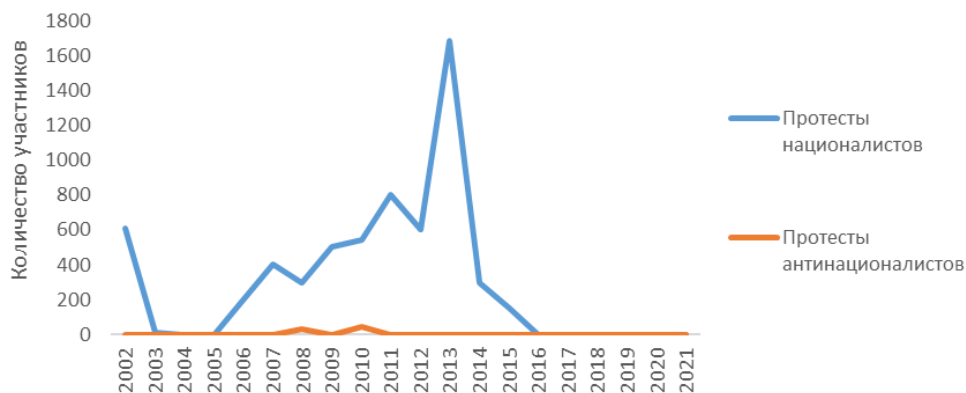
Экологические и градозащитные протесты до 2010 г. также редки и малочисленны, затем случается взрывной рост, сменяющийся, однако, спадом (см. рис. 9). Тем не менее, можно отметить, что после 2010 г. подобного рода кейсы встречаются гораздо чаще и оказываются более масштабными, нежели ранее.

Рис. 9. Политические, экологические и градозащитные протесты в г. Новосибирске и СФО

Акции националистов в Сибири продемонстрировали тренд, аналогичный Санкт-Петербургу и Ленинградской области: сначала рост протестной активности, а затем полное ее исчезновение. В целом антинационалистические протесты в СФО были крайне редкими (см. рис. 10).

Рис. 10. Протесты с участием националистов и антинационалистов в Новосибирске и СФО

В г. Новосибирске и СФО не было столь быстрого изменения процентного соотношения количества участников трудовых, политических, социальных и экологических/градозащитных протестов (см. рис. 11). Но тенденция к росту доли политических протестов и снижению доли трудовых здесь прослеживается так же, как и в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Эту тенденцию можно показать нагляднее, если визуализировать изменение численности трудовых и политических протестов относительно всех остальных (см. рис. 12 и 13).

Рис. 11. Изменение процентного соотношения численности трудовых, политических, социальных, экологических/градозащитных протестов в Новосибирске и СФО

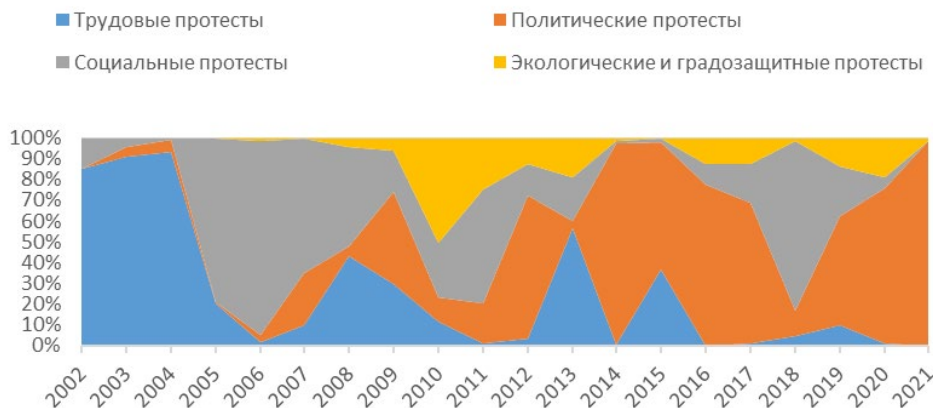

Рис. 12. Изменение численности трудовых протестов относительно всех остальных протестов в Новосибирске и СФО

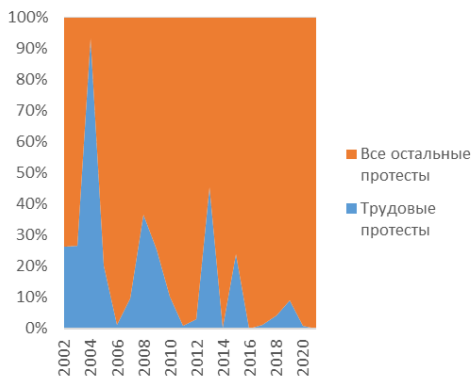
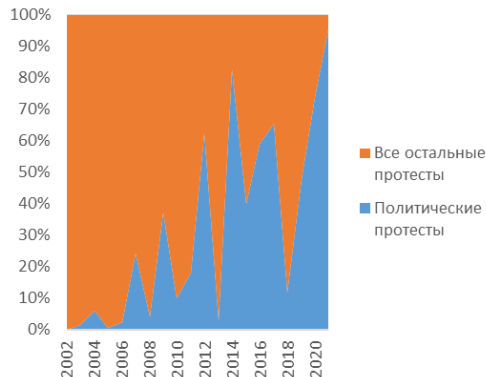

Рис. 13. Изменение численности политических протестов относительно всех остальных протестов в Новосибирске и СФО

Остальные выделенные нами выше категории протестов не продемонстрировали в г. Новосибирске и СФО динамики в ту или иную сторону (в том числе митинги с участием представителей ЛГБТ-сообщества (ни одного зафиксированного кейса) и феминистские). Лишь зоозащитные митинги начинали происходить после 2009 г., но их число и масштабы оставались очень скромными.

Обсуждение и заключение

Итак, можно отметить ряд изменений. Как в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, так и в Новосибирске и СФО политические протесты после 2010 г. начинают преобладать, а трудовые — теряют в численности и частоте. На протяжении 2000-х годов в обоих регионах мы видим рост протестной активности, связан-

ной с экологической и градозащитной тематикой. Протесты, имеющие отношение к национализму или борьбе с ним, ведут себя похожим образом и в одном изученном регионе, и в другом: сначала рост, затем внезапное исчезновение после 2014 г. Скорее всего, это универсальные «сценарии», затрагивающие большую часть регионов России. Тем не менее было найдено несколько отличий. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области социальные протесты во второй половине исследуемого временного отрезка явно реже и скромнее в масштабах, но в Новосибирской области и СФО этого изменения не обнаружено. Более того, в Санкт-Петербурге наблюдалась некоторая оживленность протестной активности ЛГБТ-сообщества, феминисток, правозащитников и зоозащитников после 2010 г., а в Новосибирске и СФО мы этого не фиксируем.

Таким образом, массовые протестные акции — их природа и тематическая направленность в России — действительно меняются. И наши наблюдения подтверждают обнаруженную Г. Робертсоном тенденцию вытеснения экономической тематики из протестной повестки (см. выше). Это говорит о том, что людей по мере общего повышения материального благосостояния (экономическое и научно-техническое развитие) меньше интересуют сугубо экономические (материальные) вопросы, их «протестный кругозор» постепенно расширяется и все чаще затрагивает такие темы, как политические права и свободы или качество городской среды. Мы также видим, что экономический рост (особенно ощутимый в 2000-е годы) не приводил к снижению протестной активности, а, скорее, «подстегивал» ее. Избавляясь от тяжкого бремени бедности и нищеты, люди начинают задумываться о более абстрактных вещах и тратить больше освободившегося времени на отстаивание своей гражданской позиции. Здесь в качестве объяснительной концепции может подойти идея «тихой революции» Р. Инглхарта, который зафиксировал постепенное вытеснение материалистических ценностей постматериалистическими по мере достижения большинством населения состояния экзистенциальной безопасности (концепция разработана в 1970-е годы) [Inglehart, 2018]. Если это так, то Санкт-Петербург и Ленинградская область попросту продемонстрировали более «современную» динамику протеста — со временем уменьшается актуальность трудовой и социальной проблематики, но растет стремление к политическим свободам, озабоченность проблемами женщин, правами представителей сексуальных меньшинств или судьбой животных⁹.

⁹ Здесь необходимо учитывать несколько моментов. Во-первых, нельзя не согласиться с тем, что любые частные случаи недовольства, казалось бы, прикладными проблемами (оплатой труда, условиями занятости, социальной политикой) являются производными от массового принятия идеи общественного права на антивластный протест. Во-вторых, несмотря на заявленность в качестве тематически узких и определенных (например, за повышение заработной платы или за некоторые ценности), протестные выступления на практике почти никогда не бывают «одноставными», но традиционно совмещают в себе несколько протестных дискурсов, объединенных недовольством системным устройством политической сферы, неэффективностью работы государственных институтов или действиями властей. Тем не менее стоит говорить об особых акцентах и разной социальной базе тех или иных протестов. Одно дело, когда социальным ядром протеста являются образованные представители среднего класса (или по иной версии — «новой мелкой буржуазии») [Tugal, 2015]), но совсем другое дело, когда это рабочие или маргинальные группы вроде безработных мигрантов. Протестные «материализм» и «постматериализм» не исключают друг друга, но очень часто оказываются антагонистичными по отношению друг к другу (например, протесты «желтых жилетов» во Франции с явно материалистической повесткой стали ответом на долгую активность постматериалистов, добившихся повышения налога на топливо) (см. о противоречиях между «материалистическими» и «постматериалистическими» протестами [Давыдов, 2020]).

В изначальной версии данного текста делался вывод о том, что Россия с большой вероятностью пойдет именно по постматериалистической колее, если не случится какая-либо катастрофа. Однако по иронии судьбы именно в этот момент началась специальная военная операция на Украине, которая не может не отразиться на общей направленности протестной динамики в России. Многие происходящие события и складывающиеся обстоятельства способны самым негативным образом сказаться на протестной динамике (шок от военных действий, репрессии, жесткое подавление антивоенных митингов, эмиграция активистов и оппозиционных деятелей и многое другое). Здесь возникает соблазн заключить, что выявленные тенденции уже не совсем актуальны, что все радикально изменится, а нас ждет или долгое «не-протестное» время, или своеобразный «откат» к более материалистическим запросам и соответствующим экономическим и социальным повесткам. Война способна сплотить общество или же стать поводом заставить замолчать несогласных. Но это палка о двух концах: невозможно бесконечно воевать и подавлять политические права и свободы, не жертвуя при этом слишком многим (благополучием граждан или возможностью получения обратной связи от населения, чем протест отчасти и является). Поэтому мы вряд ли можем говорить, что Россия — это исключительный случай в плане динамики массовых протестных акций. Да, военные действия могут внести свои коррективы на некоторое время, но в дальнейшем, если мы все же придем к миру и необходимости поддерживать устойчивое развитие, можно ожидать, что протестная динамика вернется в прежнюю колею.

Список литературы (References)

- Архипова А. С.**, Захаров А. В., Козлова И. В. Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе-апреле 2021? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5 (165). С. 289—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2032>.
- Arkhipova A. S.**, Zakharov A. V., Kozlova I. V. (2021) The Ethnography of Protest: Who Participated — And Why — In the Rallies Of 2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 289—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2032>. (In Russ.)
- Бараш Р. Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 100—109.
- Barash R. E. (2012) The Internet as a Means of Self-Actualization and Revolutionary Self-Organization. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 100—109. (In Russ.)
- Давыдов Д. А. Чей протест? Посткапиталистическая трансформация и антиномии «низовой» политической борьбы // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 21—37. <https://doi.org/10.31857/S086904990011119-2>.
- Davydov D. A. (2020) Whose Protest? Post-Capitalist Transformation and Antinomies of “Grassroots” Political Struggle. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 21—37. <https://doi.org/10.31857/S086904990011119-2>. (In Russ.)

Демьяненко А. Н., Клиценко М. В. Хабаровский протест: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 125—133. <https://doi.org/10.31857/S013216250016854-2>.

Demyanenko A. N., Klitsenko M. V. (2022) Khabarovsk Protest: A Sociological Analysis. *Sociological Studies*. No. 1. P. 125—133. <https://doi.org/10.31857/S013216250016854-2>. (In Russ.)

Ефремова В. Н. Майские демонстрации в России: от мобилизации до акций протеста // Политическая наука. 2017. № 3. С. 158—176. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaiia-nauka/arkhiv/2017-3/maiskie-demonstratsii-v-rossii-ot-mobilizatsii-do-aktsii-protesta/> (дата обращения: 29.10.2022).

Efremova V. N. (2017). May Demonstrations in Russia: From Mobilization to Protest Actions. *Political Science*. No. 3. P. 158—176. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaiia-nauka/arkhiv/2017-3/maiskie-demonstratsii-v-rossii-ot-mobilizatsii-do-aktsii-protesta/> (accessed: 29.10.2022). (In Russ.)

Иванов Д. А. Роль виртуальных социальных сетей в политическом протесте (пермский случай, 2011—2012 гг.) // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1. С. 52—59.

Ivanov D. A. (2013) The Role of Virtual Social Networks in Political Protest (The Perm Case, 2011—2012). *Bulletin of Perm University. Political Science*. No. 1. P. 52—59. (In Russ.)

Климова А. М., Куликов С. П., Чмель К. Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 28—52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>.

Klimova A. M., Kulikov S. P., Chmel K. S. (2021) The Role of Social Media in Shaping Regional Ecological Protest in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 28—52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>. (In Russ.)

Козырев Г. И. Конфликтный потенциал современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 68—78. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6726 (дата обращения: 29.10.2022).

Kozyrev G. I. (2017) The Conflict Potential of Contemporary Russian Society. *Sociological Studies*. No. 6. P. 68—78. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6726 (accessed: 29.10.2022). (In Russ.)

Левада Ю. А. Массовый протест: потенциал и пределы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 3. С. 7—12. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/115> (дата обращения: 29.10.2022).

Levada Yu. A. (1997) Mass Protest: Its Potential and Limits. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 7—12. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/115> (accessed: 29.10.2022). (In Russ.)

Левашов В. К. Гражданское общество: протест или консенсус? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 73—83.

Levashov V. K. (2012) Civil Society: Protest or Consensus? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 73—83. (In Russ.)

Мамонов М. В. Протестная активность россиян в 2011—2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 5—22.

Mamonov M. V. (2012) Protest Activity of Russians in 2011—2012: Main Trends and Some Regularities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 5—22. (In Russ.)

Назаров М. М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47—59.

Nazarov M. M. (1995) Political Protest: The Experience of Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 1. P. 47—59. (In Russ.)

Пинкер С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса / пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

Pinker S. (2021) Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. Transl. from English by G. Borodina. Moscow: Alpina Non-Fiction. (In Russ.)

Семенов А. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>.

Semenov A. (2018) Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies. *Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 2. P. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>. (In Russ.)

Солодников В. В. Потенциал социальных протестов и власть в современной России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 63—71. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2015_4/Solodnikov.pdf (дата обращения: 29.10.2022).

Solodovnikov V. V. (2015) Social Protest Capacity and Power in Contemporary Russia. *Sociological Studies*. No. 4. P. 63—71. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2015_4/Solodnikov.pdf (accessed: 29.10.2022). (In Russ.)

Семирханова Е. К., Соколова А. Д., Головина М. В., «Вы нас даже не представляете»: социальный портрет митингующих в динамике // «Мы не немь»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / под ред. А. С. Архиповой**. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 84—122. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/197433028> (дата обращения: 29.10.2022).

Semirkhanova E. K., Sokolova A. D., Golovina M. V. (2014) “You Don’t Even Imagine Us”: A Social Portrait of Protesters in Dynamics. In: Arkhipova A. S.** (ed.) “We Are Not Dumb”: *Anthropology of Protest in Russia 2011—2012*. Tartu: ELM Scientific Publishing House. P. 84—122. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/197433028> (accessed: 29.10.2022). (In Russ.)

Inglehart R. F. (2018) Cultural Evolution: People’s Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam D., Sampson R. J., Weffer-Elizondo S., MacIndoe H. (2005) “There Will Be Fighting in the Streets”: The Distorting Lens of Social Movement Theory. *Mobilization*. No. 10. P. 1—18.

McClelland C. A. (1967) Event-Interaction Analysis in the Setting of Quantitative International Relations Research. Mimeo: University of Southern California.

Robertson G. (2013) Protesting Putinism: The Election Protests of 2011—2012 in Broader Perspective. *Problems of Post-Communism*. Vol. 60. No. 2. P. 11—23. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216600202>.

Tilly C. (2002) Event Catalogs as Theories. *Sociological Theory*. Vol. 20. No. 2. P. 248—254. <https://doi.org/10.1111/1467-9558.00161>.

Tugal C. (2015) Elusive Revolt: The Contradictory Rise of Middle-Class Politics. *Thesis Eleven*. Vol. 130. No. 1. P. 74—95. <https://doi.org/10.1177/0725513615602183>.